

Глава 18.

РОССИЙСКОЕ РОДИТЕЛЬСТВО: ОПЫТ ПРОШЛОГО – ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Л.А. Грицай

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
г. Рязань, Россия

В статье анализируется состояние современной семьи в условиях кризиса внутрисемейных и общественных отношений, а также рассматриваются основные социально-психологические модели родительства. Предлагается преимущественный анализ всех моделей, на основе которых делается вывод о будущем российской семьи.

Если внимательно вглядываться в историю уже ушедшего от нас XX столетия, то можно увидеть, что этому времени был присущ определенный футурологический оптимизм. В будущее смотрели с надеждой, ожидая от него новой счастливой жизни, если не для себя, то хотя бы для детей и внуков.

В СССР эти надежды связывались с идеями о прогрессе человеческого сообщества, о постепенном переходе к более совершенным и справедливым формам социальной жизни в рамках всеобщего строительства коммунизма.

Однако все эти ожидания были разрушены крахом советской идеологии и теми сложными социальными преобразованиями, которые пришли ей на смену. Современные россияне (как, впрочем, и украинцы, белорусы и другие народы, населяющие пространство СНГ) смотрят на будущее с тревогой, не ожидая от него положительных перемен ни для себя, ни для своих детей.

Согласно социологическим опросам С. Балабанова, Б. Наука и З.Х.-М. Саралиевой, страх перед будущим является одним из факторов депопуляции, так как наши взрослые соотечественники боятся рожать и воспитывать детей, опасаясь за их судьбу в этом мире [1, с. 132].

Но будущее российской семьи зависит и от настоящего, и от прошлого. И если происходящие ныне события с трудом поддаются научному анализу по причине их незавершенности, то опыт прошлого открыт и неизменен в своих проявлениях.

Поэтому целью данного исследования стало изучение основ детско-родительских взаимоотношений в масштабах прошедшего века и моделирование на этой основе будущего, ожидающего российское родительство в начинающемся XXI столетии.

Как уже отмечалось выше, в 20–30-х гг. XX века в отечественной педагогической науке появился целый комплекс идей, предлагающих новое понимание значение семьи и детей в жизни человека.

Данное обстоятельство было связано, в первую очередь, с тем, что в результате революционных событий 1917–1918 гг. система прежних ценностных ориентаций подверглась коренному изменению. Старая иерархия ценностей *«Бог – семья – общественное служение – личные интересы»* была разрушена. На смену ей пришла совершенно иная, поставившая на первое место общественные интересы – коллективизм, на ступень ниже – личные потребности человека, семья и религиозность же рассматривались как «пережитки» прошлого.

Тип передового советского родительства был сформирован в работах Н.К. Крупской и А.М. Коллонтай.

Так, А.М. Коллонтай считала, что поскольку пролетариат имеет право на свободную любовь, не отягощенную узами брака, то и воспитание детей должно стать общественным делом [2, с. 199]. С ее позицией соглашалась Н.К. Крупская, активно выступающая за освобождение женщин из-под домашнего гнета. Так, Н.К.Крупская считала, что воспитание детей должно возлагаться на плечи общественных образовательных институтов: детских садов, школ, интернатов и т.д. [3]. Эта мера являлась важной и для идеологически выверенного формирования подрастающего поколения, так как предполагалось, что для «правильного» социального воспитания необходимо оторвать ребенка от прежних «буржуазных» семейных ценностей.

Таким образом, государство активно разрушало традиционную национальную модель родительства, предлагая взамен новое образование, которое можно сравнить с неким родовым сообществом в рамках одной страны: «Государство становилось “большой семьей”, политические лидеры – “отцами”, мужчины и женщины – “сыновья-

ми и дочерьми”, дети – “внуками Октября”, а все поголовно – “братьями и сестрами”» [4, с. 113].

Частично эти общественные инновации в области семейной жизни и родительства доказали свою несостоятельность еще в 40-х гг. XX века, когда государство предприняло ряд серьезных шагов по укреплению семьи и приняло ее в качестве «ячейки общества», косвенно присвоив ей третье место в системе ценностных ориентаций советского человека. Так, в 1936 г. вышло постановление «о запрете абортов, увеличении помощи роженицам, расширение сети родильных домов, детских садов, усиление уголовных наказаний за неуплату алиментов»; в 1944 г. – указ «об усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать героиня» и др.

Но все-таки движение набравших обороты изменений общественной жизни остановить было невозможно, и уже к 60 – 70-ым гг. советская семья приобрела свои устойчивые, по сути антитрадиционные черты: малодетность, возросшее количество неполного родительства, возникшего из-за одинокого материнства или разводов, повсеместная занятость женщин в сфере профессиональной деятельности, распространение женского главенства в доме. Последняя черта в психологической литературе называется феноменом «советского матриархата», ставшего закономерным последствием государственной семейной политики.

Сложившуюся ситуацию пытались изменить путем психолого-педагогического просвещения родителей, организации системы взаимодействия общественного и семейного воспитания. Однако развал советского государства привел к новой волне социальных, экономических и нравственных потрясений, сопровождающихся изменением системы ценностей, когда на первое место были поставлены личные потребности и желания человека, что только усугубило кризисные явления в области родительства. При этом за столетие отношение к детям в семьях успело существенно измениться: из будущих помощников родителей они превратились в источник постоянных забот и даже обузу.

Поэтому современный кризис семьи, о котором пишут и говорят сегодня не только ученые, но и политики, журналисты и общественные деятели, уместно называть и *кризисом родительства*, ярко проявляющим себя в современном мире.

Как отмечает Н.В. Богачёва, «самоутверждение и автономность как наиболее важные принципы современной жизни ведут к разру-

шению традиционных устоев семьи; <...> в связи с чем существенно меняются социальные роли женщины-матери и мужчины-отца». Ослабляются социальные связи между родителями и детьми, снижается значимость родства и родительства. При этом супружество становится основной линией внутрисемейных отношений, тогда как родительство – второстепенной [5, с. 3].

Тревожные явления в области родительства настолько глубоки, что, по сути дела, попытка заглянуть в будущее российской семьи является приоритетной национальной задачей, стоящей перед нашими современниками, так как усугубление кризиса в области детско-родительских взаимоотношений ставит под угрозу само существование России как в демографическом, так и в духовно-нравственном аспектах.

На наш взгляд, сегодня в России существует пять основных моделей родительства, которые мы можем обозначить как родительство сохраняющее остатки традиционности, «расколотое» родительство, девиантное родительство, «индивидуалистическое» и созидательное родительство.

Первая модель обозначена нами как родительство, сохраняющее остатки традиционности. В таких семьях родители помнят о своей ответственности за судьбы детей, заботятся не только об их пропитании, но и об образовании и воспитании, уделяя внимание их внутреннему нравственному развитию, при этом родители, так или иначе поддерживая своих детей на протяжении всей жизни, сохраняют в их глазах действительный авторитет.

Однако это вполне благополучное родительство не является для супругов осознанной первейшей жизненной ориентацией, скорее, оно представляет собой положительный сплав установок, вынесенных из своих родительских семей, традиционных взглядов на воспитание детей, сохраняющихся в народной педагогике, собственных нравственных позиций и т. д. К сожалению, в ситуации современной социальной и нравственной нестабильности такое родительство достаточно уязвимо перед угрозами внешнего мира, ориентированного, в первую очередь, на сферу потребления.

Вторая модель родительства может быть названа условно «расколотым», образовавшимся в результате разрушения семьи либо начального одинокого материнства (крайне редко отцовства). В данном случае одному из родителей приходится совмещать в своем лице

материнские и отцовские позиции. И такое вынужденное совмещение не проходит бесследно для формирования личности ребенка. Как правило, утрата отца или матери или же отсутствие согласованности в воспитании детей (что часто случается при разводах родителей) приводит к болезненным сдвигам в психике ребенка.

Конечно же, примеры одинокого родительства не редкость для России, история которой изобилует войнами, морами и различными общественными катаклизмами, однако массовый характер эта модель приобрела именно в XX веке.

Третью модель родительства можно обозначить как девиантную. Родители в таких семьях часто имеют низкий социальный статус, ведут аморальный, а порою и противоправный образ жизни, дети находятся без надзора и наиболее подвержены разрушительному влиянию деструктивных асоциальных форм поведения. К сожалению, в нашей стране в настоящее время существует достаточно много примеров таких неблагополучных семей.

Четвертая модель родительства, которое может быть названо «индивидуалистическим», строится на партнерских взаимоотношениях между родителями и детьми, основанных на принципе соблюдения взаимных интересов. Такое родительство предполагает малодетность, определенное отчуждение членов семьи друг от друга, свободное воспитание, характеризующееся предъявлением минимума требований к ребенку, моральной независимостью детей от родителей.

В последние десятилетия данная модель родительства, уходящая своими корнями в культуру западной цивилизации, активно предлагается России в качестве образца. Однако следует признать, что цели и ценности такого родительства далеки от национального идеала семьи, характерного для нашей страны. Ребенок, выросшей в такой семье рискует стать холодным и прагматичным эгоистом, а его родители вполне могут провести последние годы своей жизни в одиночестве или в окружении своих ровесников из дома престарелых.

Последняя – пятая – модель родительства названа нами созидательным. На наш взгляд, это модель отвечает национальному наследию России, предполагая не только осознанное отношение родителей к своим обязанностям, эмоциональной готовности к принятию ребенка и родительской ответственности, но и опору на создание духовно здоровой семьи в традиции ценностей национальной культуры.

Таким образом, в отличие от первой рассмотренной нами модели родительства, сохраняющего остатки традиционности, созидательное родительство опирается на более прочную мировоззренческую платформу, не только определяющую родительство в числе важнейших семейных ценностей для человека, но и предлагающую определенный образ построения взаимоотношений в семье на основе христианских нравственных смыслов бытия.

Однако, смеем предположить, что последняя созидательная и первая традиционная модели родительства, в значительной степени уступают свое место второй, третьей и четвертой моделям.

Названные обстоятельства вызывают тревогу, так как нетрудно предположить, что ждет нашу страну в будущем, если данные модели станут приоритетными для 80–90 % наших сограждан (что весьма вероятно, потому что социальные процессы способствуют этому).

Скорее всего, тогда Россия будет постепенно растворяться в глобальном мире, теряя свою культуру и национальную самобытность. Здесь уместно вспомнить слова, принадлежащие перу известного русского философа И.А. Ильина, высоко ценившего семью и называвшего ее «школой любви и жертвенности», духовного единства всех членов, так как только в семье можно «научиться первым совестным движениям сердца и подняться к дальнейшим формам человеческого духовного единения – родине и государству, потому что семья, внутренне спаянная любовью и счастьем, есть школа душевного здоровья, уравновешенного характера, творческой предприимчивости» [6, с. 198].

В размариваемых нами моделях родительства мы наблюдаем обратную картину: не объединения членов семьи друг с другом, а, напротив, разъединения их. А в таком обществе, где людей уже ничего не объединяет, разобщенность достигнет предела. Личные индивидуальные ценности ставятся во главу угла, что, безусловно, сказывается не только на духовно-нравственном состоянии общества, но и на детско-родительских взаимоотношениях в семьях. Можно предположить, что при таком развитии событий еще большую популярность приобретут так называемые «гражданские» и «гостевые» браки.

Именно это прогнозируется в работах автора концепции постиндустриальной цивилизации Д.Белла, который определяет современное общество как «общество производства информации и услуг» [7]. В таком обществе утрачиваются традиционные ценности любви, супружеской верности, рождения и воспитания детей, служения

ближнему, на смену им приходят ценности личной автономии, профессиональной самореализации и гедонизма. «"Институализация индивидуализма" ведет к тому, что каждый член семьи ставит свои интересы на первое место», – отмечает современный западный социолог Ю. Бек [8].

К тому же, «индивидуалистическое» и «расколотое» родительство, как правило, малодетно, а это обстоятельство только усугубит процесс депопуляции нации, наблюдаемый ныне в нашем государстве.

Какие же выводы можно сделать из всего вышесказанного?

Во-первых, будущее российского родительства представляется нам весьма сложным, так как традиционные модели утрачиваются, а им на смену приходят стратегии родительского поведения, далекие от национального ценностного отношения к семье в целом и родителю в частности.

Во-вторых, единственный, на наш взгляд, выход из сложившейся ситуации заключается в возвращении к сложившимся веками идеалам родительского поведения, которые являются наиболее продуктивными для сохранения человеческого потенциала России. Это традиционная и созидательная модели родительства.

В-третьих, становление этих моделей требует не только мер государственной поддержки, оказания семье с детьми широкого спектра психолого-терапевтической и медико-социальной помощи, координацию работы СМИ по повышению престижа родительства в современном обществе, создания возможностей для педагогической подготовки молодежи к родительству, включающих в себя деятельность в учебно-воспитательном пространстве школ, колледжей и вузов, но и значительного преобразования всей системы духовно-нравственных ориентиров наших соотечественников.

А такого преобразования не произойдет, даже если государство и определенные социальные институты будут оказывать давление на общественное сознание, так как оно требует ответственного выбора каждым человеком определенной системы ценностей, при которой он добровольно был бы готов смирять себя ради блага своей семьи и окружающих людей.

Поэтому вопрос о будущем российского родительства, и шире – будущем самой России – остается открытым. И, пожалуй, что, никто не сможет дать на него окончательный ответ, разве что только само Время...

Однако каждому из нас следует помнить, что оттого, удастся ли нашей стране в следующем столетии сохранить свою культуру, национальную целостность и определенное место в мировом пространстве или же ей суждено раствориться во времени и в других цивилизациях, зависит будущее наших детей, внуков и правнуков.

По сути дела, строя свою сегодняшнюю жизнь, мы выбираем и их судьбу.

Литература:

1. Балабанов, С.С. Типология мотивов иметь или не иметь детей / С.С. Балабанов, Б. Наук, З.Х.-М. Саралиева // Социологические исследования. – 2009. – № 3. – С. 129–136.
2. Булдаков, В.П. Постреволюционный синдром и социокультурные противоречия нэпа // Нэп в контексте исторического развития России XX в. – М., 2001.
3. Педагогическая теория Н.К. Крупской // История педагогики / под ред. Н.А.Константинова [и др.]. – М., 1982.
4. Сальникова, А.А. Детство как миф: некоторые аспекты изучения российско-советского детства в зарубежной историографии : сб. науч. статей. – Казань, 2002.
5. Богачёва, Н.В. Родительство как фактор устойчивости семьи в современном российской обществе: автореф. ... канд. социол. наук. – Казань, 2005.
6. Ильин, И.А. Путь духовного обновления. – М.: Русская книга, 1996.
7. Белл, Д. Грядущее индустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 1999. – 124 с.
8. Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization institutionalized individualism and its social and political consequences. – London: Sage, 2002.